ГЛАВНЫЙ ДИРИЖЕР СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Реабилитация имен и восстановление репутации происходят не только в судебной практике. В истории культуры такие процессы столь же важны и необходимы, и книга о дирижере, профессоре Московской консерватории, регенте, композиторе Николае Голованове (1891–1953) рушит многие мифы не только его биографии, но и его времени

Николай Голованов и его время
ред.-сост., авт. коммент. и прил. Ольга Захарова и Алексей Наумов; науч. ред. Марина Рахманова.– Челябинск: Авто Граф, 2017.
Кн. 1.– 2017.– 536 с.: фот. SBN 978-5-99097-401-2

Работа над архивами музыканта, хранящимися в его Музее-квартире, длилась много лет, но только благодаря горячей инициативе почитателя творчества Голованова Михаила Плетнёва первый том наконец был завершен и напечатан в 2017 году в издательстве «Авто Граф». Его составители – Ольга Захарова и Алексей Наумов, работали в кооперации с научным редактором Мариной Рахмановой и куратором Светланой Чаплыгиной.

На исполнительское дарование героя книги существуют диаметрально противоположные взгляды: от критичных, со многими оговорками до восторженных отзывов. К адептам, кстати, относится и Плетнёв. В своем предисловии он пишет в превосходных степенях о Голованове-дирижере, владевшем «невероятной магией воздействия на непосредственных исполнителей-оркестрантов… Его владение звучанием оркестра было сродни колдовству. Музыканты, игравшие под его управлением, говорили мне, что никогда, ни до, ни после, они не переживали ничего подобного».

Фундаментальное исследование включает автобиографические, дневниковые и мемуарные записи, в том числе «Итальянский дневник» (о поездке в 1947 году по заданию Комитета по делам искусств с целью привлечения в отечественные консерватории итальянских профессоров бельканто); воспоминания об оперных певцах и режиссерах, о композиторах и отдельных оперных партитурах (о «Золотом петушке», «Князе Игоре», «Борисе Годунове» и «Хованщине»). Эссе «О дирижировании (заметки специалиста)» – немножко наивный свод правил – помогает постичь суть дара Голованова. «Дирижерские приемы могут быть бесконечно разнообразными, но неверно было бы думать, что дирижер воздействует на оркестр только с помощью жестов. Сущность подлинно большого дирижерского искусства заключается во внутреннем, волевом, психическом воздействии на исполнителей, когда как бы невидимые нити протягиваются от дирижера к оркестру, хору, солистам – и все оживает».

Богатое художественное воображение автора ощущается не только в музыкальных интерпретациях, но и в литературных текстах – красочных, вкусных в деталях. Книгу можно открывать и читать с любого места. Наш выбор – фрагмент, посвященный художнику А. Головину, картины которого украшали частное головановское собрание, «начиная с академической картины «Снятие с креста». Я нашел ее в 1920-х годах,– пишет Голованов,– в перхушковской церкви – черную, закопченную «икону», купленную каким-то дьяком на выставке и попавшую в церковь по недоразумению. Мы с Неждановой сразу увидели великолепную большую картину нового мастера, которая потом оказалась, по подписи, А. Головина. Я с большим трудом переменял ее на громадную икону Иоанна Милостивого XVII века, приплатив 500 рублей

> СУЩНОСТЬ ПОДЛИННО БОЛЬШОГО ДИРИЖЕРСКОГО ИСКУССТВА ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ВО ВНУТРЕННЕМ, ВОЛЕВОМ, ПСИХИЧЕСКОМ ВОЗДЕЙСТВИИ НА ИСПОЛНИТЕЛЕЙ, КОГДА КАК БЫ НЕВИДИМЫЕ НИТИ ПРОТЯГИВАЮТСЯ ОТ ДИРИЖЕРА К ОРКЕСТРУ, ХОРУ, СОЛИСТАМ – И ВСЕ ОЖИВАЕТ

и договорившись со старостой и старым священником… У меня также хранятся его «Гондолы на Riva degli Schiavoni», написанные при луне – первое впечатление Головина от прекрасной Венеции… У меня также его знаменитый «Пруд», написанный в зеленых тонах, родной брат «Пруда» из собрания И.А. Морозова, где столько настроения. Весь он мастерски написан одной зелено-табачной краской, но какие нюансы, какое благородство.

У меня, наконец, его изумительный и единственный большой «Портрет А.Н. Скрябина», который ему позировал в мастерских над сценой Мариинского театра во фраке после своего концерта в зале Филармонии. Я, как музыкант, счастлив, что со мной всегда великий Скрябин, и как я жалею, что за недостатком денег упустил великолепного «Сергея Васильевича Рахманинова за роялем в Большом зале консерватории», нарисованного В. Россинским».

Как и полагается солидному научному изданию, тут блестяще проработанный справочный аппарат – репертуарные списки и дискография Голованова-дирижера, каталог его собственных сочинений, а также опись коллекции живописи и русской графики, хранящейся в Музее-квартире. И правда – стоит побывать в этом месте, хранящем дух хозяина – русского барина, эстета, безмерно любившего жизнь, музыку, дружеское общение.

Отдельной строкой выделим раздел, посвященный взаимоотношениям Голованова с коллегами в Большом театре и властью. Придуманный в конце 1920-х термин «головановщина» – свидетельство травли, которой подвергся дирижер. В архиве сохранились доносы, славившиеся из Большого театра во Всесоюзный комитет по делам искусств, где Голованов представал демоническим рыцарем Апокалипсиса, «вождем, идейным вдохновителем интриганства, подхалимства…» Но Голованов был не прост, и его взяло под защиту Политбюро и лично сам товарищ Сталин, снявший с него все обвинения.

Возможно, к такой книге стоило приложить компакт-диск – чтобы колоритная фигура Голованова не осталась лишь портретом. Быть может, готовящийся второй том восполнит эту лакуну.